

Онъ: матовый, дряблый, изношенный, пепельный.

Умиращіе глаза — заражаютъ умирающимъ весь организмъ или, наоборотъ — служатъ его зеркаломъ.

Лобъ — овално выпуклый, какъ у дегенеративныхъ дѣтей — опоясанъ волосами, почти на половинѣ между темнемъ и бровями.

Онъ, хотя всего — на нѣсколько лѣтъ старше меня, но, я — передъ нимъ — 12 лѣтній подростокъ; вялая, темная кожа на лицѣ, вялые, блеклые, темно-русые, съ большой просѣдью — волося. Длинный — овалъ лица, съ длиннымъ, совершенно безвольнымъ «непрактичнымъ» подбородкомъ — дѣтская безпомощность. Отчужденность. Ни одной точки касанія съ внѣшнимъ міромъ. Великая сосредоточенность и самоуглубленность, которой — уже ничто не разсѣетъ (глазъ ему, больше — ненужно!)

Пониманіе, отзывчивость — на самыя тонкія, еле уловимыя вибраціи.

«Жизнь въ немъ — теплится, лишь, какъ у Пруста: для окончанія возложенной миссіи», бормоталъ я.

С. Шаршунг

Пушкинъ или Чеховъ?

Въ прошломъ году, въ связи съ чеховскими юбилейными днями, появилось въ «Послѣднихъ Новостяхъ» двѣ статьи. Появились онѣ даже въ одномъ номерѣ. Одна статья — И. Бунина, другая Г. Адамовича. Онѣ подходятъ къ предмету разна, но каждая въ своихъ рамкахъ, какъ будто не совсѣмъ себя договариваетъ. Мнѣ представляется безынтереснымъ не только сопоста-

вить ихъ, но и каждую изъ нихъ «договорить». Полагаю, что попытка моя найдетъ себѣ оправданіе въ значительности тѣхъ вопросовъ, которые, по моему, встанутъ за гранями того, передъ чѣмъ остановилась ихъ недоговоренность.

Нашъ знаменитый писатель, уже неоднократно писавшій о Чеховѣ, на этотъ разъ сосредоточивается на Чеховѣ-собесѣдникѣ. Онъ почти воздерживается отъ выводовъ и размышлений, онъ рисуетъ Чехова-балагура, перескакивающего съ пустяка на пустякъ, смѣющегося, даже хохочущаго надъ тѣмъ, что, признаться, очень мало смѣшно.

Г. Адамовичъ, критикъ тонкій, хорошо «видящій», говоритъ о Чеховѣ—изобразителѣ своей современности, отрастителѣ и воплотителѣ 80-90-хъ годовъ со всею ихъ блѣдностью, внутреннею и удручающею волевою слабостью. Для характеристики этой эпохи, вѣрнѣе — для оправданія нашего къ ней (а можетъ быть, его личнаго) нѣсколько любовнаго отношенія Адамовичъ подбираетъ рядъ словъ, которыя впрочемъ самъ признаетъ не соотвѣтствующими: «одухотворенность, кротость, покорность, блѣдность, тишина». За всѣмъ этимъ критикъ признаетъ (для русскаго) нѣкоторую положительную прелесть, подобно русской природѣ, въ которой есть нѣчто, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный».

Эти послѣднія слова вмѣстѣ съ цитатою изъ Тютчева невольно хочется сопоставить съ заключительными строчками статьи Ив. Бунина. Послѣ длиннаго пересказа скучныхъ, расплывчатыхъ рѣчей покойнаго Чехова онъ упо-

минаетъ о томъ, какъ онъ узналъ о его смерти. Онъ поѣхалъ верхомъ въ село забрать почту и заѣхалъ къ кузнецу перековать лошадей. «Быль жаркій и сонный день съ горячимъ южнымъ вѣтромъ, съ тусклымъ блескомъ неба. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы...». Такъ онъ узналъ о смерти Чехова. Увѣряю васъ, что этой одной строчкой писатель убиваетъ все предыдущее, и изъ всего «некролога» я, по крайней мѣрѣ, ощущаю только это одно, — жару степную, сѣрую ослѣпительность степного дня, жару впереди себя и жару сзади, изъ кузницы. Чувствуете всю прелесть того, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный»?... Изъ всѣхъ подробностей бунинскаго разсказа о Чеховѣ единственно это съ силою встаетъ и врѣзывается въ память: какъ Бунинъ узналъ о смерти Чехова, то-есть тѣ его слова, въ которыхъ сказался не критикъ, а писатель. Никогда какъ именно въ сопоставленіи съ этою силою, — съ привязанностью къ жаркому степному полудню, къ пыльной дорогѣ, — никогда мнѣ не показалась столь слабой умственно-волевая сторона той эпохи, о которой онъ вспоминаетъ. И Чеховъ былъ воплощеніе этого времени. Но воплощеніе ли, въ настоящемъ, творческомъ и критическомъ смыслѣ этого слова? А что если только талантливое порожденіе?..

Вѣдь нѣтъ настоящаго художественнаго воплощенія, когда нѣтъ ясно ощущаемой личности, то есть личнаго отношенія къ изображаемому. Развѣ тѣмъ великъ Пушкинъ въ

«Онѣгинѣ», что и з о б р а ж а л ъ «всю эту ветошь маскарада» и прочую обыденщину «своей эпохи»? Конечно, нѣтъ; а тѣмъ, что все время за описываемымъ мы чувствуемъ описывающаго, сквозь все, о ч е м ъ он ъ пишетъ, ощущаемъ е г о . Вотъ этого не чувствуемъ въ Чеховѣ. Да, онъ «воплощаетъ» свою эпоху, — эпоху нитиковъ, слабняковъ, — но онъ не высказывается; онъ по отношенію къ своимъ созданіямъ такой же, какіе они по отношенію къ жизни. Вотъ почему выдвигеніе Чехова на одну доску съ Пушкинымъ въ строкахъ Адамовича представляется чезучуръ смѣлымъ. Когда читаемъ у него, что въ писаніяхъ Чехова «мы не только узнаемъ исчезнувшій бытъ и складъ существованія, мы въ это существованіе проникаемъ изнутри». — когда читаемъ это, то невольно относить насъ къ строкамъ Бунина, въ которыхъ писатель говоритъ, какъ мало авторъ «Вишневаго Сада» зналъ ту помѣщичью среду, о которой писалъ. Да онъ и усадьбы не зналъ. Въ нѣсколькихъ бѣлыхъ и мѣткихъ черточкахъ Бунинъ подрываетъ правдоподобіе и самаго вишневаго сада, и подобныхъ обитателей усадьбы, ихъ отношенія къ дому и къ вещамъ. Здѣсь даже, вмѣстѣ съ знаніемъ среды, быта, людей, подвергается сомнѣнію добротность самой драматической сущности чеховскихъ «находокъ»: такія словечки, какъ «человѣка забыли», «многоуважаемый шкапъ», похорожены, надо надѣяться, навсегда. Никогда вымученная ложь всего этого не выступала такъ ярко, какъ послѣ этихъ строкъ Бунина. Нашъ писатель забылъ подчеркнуть и трагически-чувст-

вительный «эффектъ» ударовъ топора, которые доносятся изъ сада прежде, чѣмъ бывшая хозяйка выѣхала. Неужели можетъ еще кого-нибудь задѣть это «ибсеновское» смѣшеніе неправдоподобнаго реализма съ насильственно навязываемымъ символизмомъ? Конечно, многіе изъ насъ чувствовали всю эту несуразность, но Бунинъ первый громко спросилъ: «Да и гдѣ были сады, сплошь состоящіе изъ вишенъ?»... Что остается послѣ этого вопроса? Красивое заглавіе...

Есть еще одинъ и очень важный вопросъ, выдвигаемый въ статьѣ Адамовича и получающій отвѣтъ въ статьѣ Бунина устами самого Чехова.

Очень интересно и вѣрно опредѣлено у Адамовича положеніе Пушкина по отношенію къ Россіи, — къ единой, цѣльной, государственно-единой. Единой не въ смыслѣ горизонтально-географическомъ, а въ смыслѣ политически-патріотическаго вертикальнаго разрыва. Пушкинъ, какъ опредѣляетъ Адамовичъ, «могъ критиковать окружающее, но онъ не сомнѣвался въ принципахъ и не былъ разрушителемъ, какъ лучшіе изъ его преемниковъ». «Пушкинъ, — говоритъ онъ, — держалъ въ себѣ стиль Россіи». Этотъ «стиль» давно утраченъ, отъ него отошли, и, если Чеховъ столько же свою эпоху выявляетъ, сколько Пушкинъ выявилъ свою, то онъ **б е з с т и л е н ъ**, какъ эта самая его эпоха. Этой безстильностью, противоположной пушкинской «стильности», Чеховъ насквозь проникнуть и проникнуто и то, что принято называть «чеховщиной».

Вѣдь что такое **с т и л ь**? Въ матеріалѣ н ѣ т ь стили; стиль то, что

превращаетъ матеріалъ въ произведеніе искусства. Стиль — вмѣшательство чловѣка. Бюффонъ сказалъ — «Le style c'est l'homme»; говорятъ даже, что онъ сказалъ — «Le style c'est tout l'homme». Во всякомъ случаѣ только въ стилѣ чловѣкъ, а безстильность, какъ все необработанное или недоработанное есть проявленіе слабости творческой передъ ждущимъ его вмѣшательства матеріаломъ; иными словами — безвольное, ожидающее чужой в о л и, чтобы изъ эстетическаго небытія пройти въ художественное б ы т і е. Да, трогательно все то, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный», — но это, какъ ни драгоценно, — это матеріалъ. Пушкинъ съумѣлъ подняться в ы ш е матеріала, когда свой патріотизмъ «кристаллизировалъ въ г о с у д а р с т в е н н о с т и».

Но его связь съ государственнымъ принципомъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ ослабѣвала все больше, съ каждымъ поколѣніемъ разрывъ углублялся, люди погружались въ безстильность. И вотъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ Бунину Чеховъ являетъ самъ формулу этого разрыва, формулу страшную, ибо въ страшную минуту явленную. Въ письмѣ этомъ, говоритъ Бунинъ, «онъ какъ почти всегда шутивъ... а огорчается только однимъ, — грустью за Японію, чудесную страну, которую, конечно, разобьетъ и всей своей тяжестью раздавитъ Россія»...

Что сказать на это? Нельзя съ большей ясностью и откровенностью распилаться въ оскудѣніи того чувства «государственности», которое такъ сильно жило въ Пушкинѣ. И это въ минуту объявленія японской войны, когда под-

вергалось опасности положеніе Россіи и тихоокеанскомъ побережьи, вѣковыми народно-государственными усиліями приобрѣтенное и упроченное! Или были уже нѣмы сказочные образы Ермака и его дружинъ, продвигавшихъ страну,—сами того не зная,—къ свободному морю? Или успѣла стереться память о Муравьевѣ Амурскомъ, наконецъ, давшемъ выходъ великой державѣ, столѣтіями изнывавшей въ континентальной жаднѣ? Или не болѣло сердце за дѣло славныхъ русскихъ моряковъ съ адмираломъ Невельскимъ во главѣ, пустившимъ первую русскую флотилію до устья Амура? Или не обязывали насъ подвиги того «неизвѣстнаго солдата», который, исполняя завѣтъ Петра «новою твердой стать на морѣ», шелъ на востокъ и усилія того русскаго крестьянина, который, — «первый поселенецъ», — пришелъ и отпечаталъ русский лапоть на береговомъ пескѣ китайскаго Амура? Что сказать? Вспоминаю вотъ что. Я въ то время (начало японской войны) былъ въ южной Италіи. Приѣзжаю съ вокзала въ гостиницу; вхожу въ читальную комнату, — масса туристовъ-англичанъ съ газетами въ рукахъ. Тогда всѣ европейскія общественныя симпатіи были на сторонѣ Японіи. Одна изъ присутствующихъ дамъ была крайне разочарована. «Ну полноте, — говоритъ ей господинъ, — вѣдь нельзя же разсчитывать, что каждый день будетъ побѣда...». Я вышелъ. Очень было больно. Но не знаю, что болѣнѣе: слова англичанина или слова Чехова... И еще грустнѣе становится, что Чеховъ былъ «выразитель своей эпохи»... Помню, въ тѣ же времена читалъ въ одной газетѣ, какъ японская

мать баюкаетъ свое дитя и поетъ: «Ты знаешь, почему мы побиваемъ русскихъ? Потому что русская мать не любитъ своего отечества»...

Встаетъ въ памяти пушкинское «О чемъ шумите вы, народные витіи»? Реторично? Напыщенно? Можетъ быть. Но вотъ это — принципъ, то что Адамовичъ отмѣтилъ словомъ «стиль Россіи». Положимъ, — это не «чистая поэзія», тутъ есть и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и отъ Славянскаго Общества, но уже одно заглавіе: «Клеветникамъ Россіи!» Развѣ не лучше это, чѣмъ грусть по Японіи? Да, клевета на Россію! Велика была поднимающая и возмущающая сила этихъ словъ. И гдѣ тотъ огонь? И вѣдь это не то, что сейчасъ именуется «империализмомъ», — это вѣра, вѣра со всею живучестью искренняго восторга, со всею присущей восторгу силой негодованія. А какая вѣра въ «чеховщинѣ»? Знаменитыя «пророчества» о долженствующемъ наступить лучшемъ будущемъ, о той «свѣтлой, прекрасной, изящной жизни», о которой лепечутъ дѣвочки-подростки, о которой разглагольствуютъ студенты и которой поддакиваютъ полковники въ «Трехъ Сестрахъ»? Право же лучше не подчеркивать ту автобиографическую нить, которая связываетъ эти истерическіе выкрики съ личностью автора ихъ написавшаго.

Это будетъ все же болѣе достойная дань уваженія, — допустить, что Чеховъ заставилъ ихъ говорить, а не самъ такъ говорилъ. Почетнѣе отнести всѣ эти рѣчи на долю того «наблюдателя русской жизни», наблюдательностью котораго такъ восхищался Толстой, чѣмъ приписать ихъ тому, кто

провозглашается «воплотителем» своей эпохи. Ужъ пусть лучше эти художочныя «пророчества» останутся для Чехова «чужими словами».

Кн. Сергѣй Волконскій

Кришнамурти

Трудно говорить о Кришнамурти просто, потому что люди къ нему относятся пристрастно, и даже равнодушные имѣютъ о немъ предвзятое мнѣніе.

Кришнамурти — лже-пророкъ, теософскій Мессія, основатель новой секты, теннисный чемпионъ, индусскій философъ, кинематографическій актеръ и т. д.

Что на это сказать? Кто, изъ за стѣны этихъ предубѣждений услышитъ голосъ простой правды не сопровождаемой трубными звуками и барабаннымъ боемъ? Кто узнаетъ человѣка безъ ходуль, безъ маски, безъ нарядовъ и грима, подвигъ котораго въ томъ что онъ «человѣкъ»?

Смыслъ этого утерянъ и мы, какъ китайянки тѣхъ временъ когда неизуродованная нога считалась позоромъ, отворачиваемся отъ этой «естественности».

Человѣкъ для насъ символъ слабости, грѣха, несовершенства, долженствующій быть спасеннымъ. Несчастному человѣку противопоставляется Богъ все-сильный. Сверхчеловѣкъ узурпировалъ мѣсто человѣка и люди не сознаютъ, что стремленіе къ сверхчеловѣчеству усиливаетъ ихъ «подчеловѣчество».

Сверхчеловѣкъ это существо одаренное необычайными качествами т. е., извѣстнаго рода «форсированный уродъ».

Совершенный же человѣкъ отличается своей естественностью, онъ пересталъ быть «подчеловѣкомъ», освободившись отъ ограниченій эгоцентрической личности. Только тогда, когда преграда эгоцентризма — корень несовершенства — перестаетъ закрывать путь развитія человѣка, онъ можетъ стать совершеннымъ, т. е. истиннымъ человѣкомъ.

Истинный человѣкъ, это существо, которое не противопоставляетъ свое «я» другимъ. Въ немъ исчезли ограниченія и особенности. Совершенство не терпитъ градацій и въ этомъ смыслѣ нѣтъ «добраго» или «злаго» человѣка; въ каждомъ изъ насъ лежитъ возможность достигъ этого чистаго «человѣчества».

Но мы равнодушны къ «человѣческому» въ насъ, его благородство и достоинство насъ не воодушевляютъ, простота не трогаетъ. Что для насъ «человѣкъ» безъ атрибутовъ? Себя и другихъ мы украшаемъ качествами, превосходствами и къ прозрачной «сущности» относимся безразлично.

«Кришнамурти - Мессія» въ насъ вызываетъ любопытство, насмѣшку, если не возмущеніе. «Кришнамурти - магъ и волшебникъ» — какой-то трепеть, но какое намъ дѣло до Кришнамурти — человѣка?

И чтобы оправдать нашъ интересъ къ нему на этихъ страницахъ, покажемъ его въ аспектѣ поэта, которому самъ онъ придаетъ такъ мало значенія. Вотъ — два стихотворенія Кришнамурти:

НИЩІЙ

Какъ нищій, голодный, худой, — садится у храма на ступеняхъ, чтобъ встряхивать чашку пустую, такъ усѣлся и я,